

Алексей Васильев, Николай Петров

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

РЕЦЕПТЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Русская версия

Египет, Ливия, Сирия...
Россия?

Алексей Михайлович Васильев Николай Иванович Петров Рецепты Арабской весны: русская версия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27286892

Рецепты Арабской весны: русская версия: Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0148-3

Аннотация

Как возникли революции в государствах, сравнительно спокойных в социально-экономическом плане и далеко не последних по уровню жизни населения? Кто за ними стоял? Какую роль сыграли в них информационные технологии? На эти и многие другие вопросы отвечают авторы этой книги – ученые, дипломаты, журналисты, в том числе и, подготовивший книгу к изданию, директор Института Африки РАН Алексей Михайлович Васильев. Все они в той или иной мере были свидетелями революционных событий.

Своеобразной «сверхзадачей» данной книги был поиск ответа на вопрос: существовали ли у сценария арабских восстаний «режиссеры»? А вывод о том, возможно ли использование рецептов «Арабской весны» в нашей стране, читателям этой книги предстоит сделать самим.

Содержание

Предисловие	6
Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Васильев, Николай Петров Рецепты Арабской весны: русская версия

В один из декабрьских дней 2010 года 26-летний туниец, потерявший возможность заработать на хлеб для своей семьи, оскорбленный полицией и муниципальными властями, решился на шаг отчаяния – облил себя легковоспламеняющейся жидкостью и поджег. Он умер в страшных мучениях через две недели. Его жуткая участь воспламенила пожар массовых антиправительственных протестов в арабских странах от Залива до Атлантики. Пламя не потушено и поныне.

Как возникла революционная ситуация в государствах сравнительно спокойных в социально-экономическом плане и далеко не последних по уровню жизни населения? Почему в движениях протеста принимали активное участие представители образованных слоев, среднего класса и так много молодежи? Какую роль сыграли информационные технологии? Какие цели ставили восставшие и были ли достигнуты эти цели? На эти и многие другие вопросы отвечают авторы этой книги – ученые, дипломаты, журналисты. Все они

в той или иной мере были свидетелями событий либо впоследствии «по горячим следам» подвергли их обстоятельному анализу. Своеобразной «сверхзадачей» коллектива авторов и составителей данной работы был поиск ответа на вопрос: существовали ли авторы сценария арабских восстаний и дирижеры драматических событий? А вывод о том, возможны ли аналогичные события в нашей стране или на территории постсоветского пространства читателям этой книги предстоит сделать самим.

Предисловие

Глава I

Цунами революций не спадает

Начало

17 декабря 2010 года Мухаммед Буазизи – 26-летний тунисец, безработный обладатель степени бакалавра – попытался заработать на жизнь, торгуя с тележки овощами и фруктами. Полицейский отняла у него товар и вдобавок оскорбила. Попытки пожаловаться властям кончились тем, что его вышвырнули из муниципалитета. Униженный, отчаявшийся, лишенный куска хлеба молодой человек совершил самоубийство.

В страшных муках он скончался спустя немногим более двух недель. О его судьбе разнесли сообщение независимые телеканалы и Интернет. Для мусульманина самоубийство – вообще большой грех, а такая страшная смерть взорвала тунисское общество. Тысячи, а затем десятки тысяч человек вышли на улицы, протестуя против бесчеловечного режима, угнетения, безработицы, коррупции, диктатуры президента Туниса Зина аль-Абидина Бен Али и его клана.

Несмотря на принятые властями жесткие меры и даже

убийство нескольких демонстрантов, полиция отступила перед массами восставших. Армия не вмешалась. Бен Али бежал (его отказалась принять Франция, и убежище предоставила Саудовская Аравия), страна погрузилась в хаос. Непрочную власть пытались удерживать бывшие сторонники президента, но многие из них просто спасались бегством.

Тунис считался до недавнего времени раем для туристов, стабильным государством, которое даже за независимость боролось исключительно политическими средствами. Со времен первого президента Хабиба Бургибы страна стала светской, с высоким уровнем образования, достаточно многочисленным средним классом, гендерным равноправием (многоженство было официально запрещено, 20 % депутатов парламента – женщины). Шариат играл незначительную роль, вся интеллигенция знает французский язык, ей близка европейская культура. В республике широко использовался Интернет. Были устойчивы связи с Европой и США. Экономика Туниса неплохо развивалась нацеленная на сотрудничество с Евросоюзом. В Европе находились до миллиона тунисцев. В страну из Европы приезжало несколько миллионов туристов в год.

Но вместе с тем за 23 года авторитарного правления Бен Али правительству не удалось решить главную проблему – преодолеть высокий уровень безработицы. Она затрагивает не только беднейшие слои населения, но и молодежь с высшим образованием. В последние годы безработица в Тунисе

выросла из-за мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов, а также из-за ограничений на иммиграцию в странах Европы. Возникло противоречие между завышенными ожиданиями образованной молодежи и отсутствием возможностей для их реализации. Низы не хотели жить по-старому, верхи не могли по-старому управлять. В итоге организаторами протестных акций стали образованные молодые люди, координирующие действия с помощью Интернета, социальных сетей «Фейсбук» и «Твиттер».

Политический произвол и ограничение властями свободы СМИ способствовали распространению идей исламского фундаментализма среди не только беднейших слоев, но и части среднего класса. Авторитарно-полицейский режим жестоко подавлял оппозицию, запрещал деятельность исламистских партий. Это, в частности, вызывало симпатии к Бен Али со стороны США и Франции, которые проявили готовность углублять с ним сотрудничество, но значительная часть общества видела в исламистах героев, жертв и врагов ненавистного строя.

Существенной причиной массового недовольства стала коррупция власти. Если про первого президента Туниса Х. Бургибу говорили, что он ушел с поста с 30 долларами на банковском счету, то отличительной чертой правления Бен Али стал явный и откровенный расцвет коррупции и семейственности. Особую ненависть населения вызывала семья второй жены президента – клан Трабелси, который захватил

самые лакомые куски в банковском секторе, сфере недвижимости, в торговле, туристическом бизнесе и в других отраслях.

Президент Бен Али утратил чувство реальности, перестал учитывать настроения населения. Достаточно было искры, чтобы гнев общества выплеснулся на улицы. Самоубийство несчастного торговца фруктами стало такой искрой.

У оппозиции не было общепризнанного национального лидера. Средний класс и беднейшие слои общества объединились в стремлении свергнуть режим Бен Али. Власть в Тунисе временно перешла в руки людей из окружения сбежавшего президента, которые заявили о разрыве с ним и его семьей, временно сохранял свой пост премьер-министр, но и он был вынужден подать в отставку. Продолжался период хаоса, безвластия и разгула криминала, что усугубляло экономический кризис. Демонстрации не утихали, население требовало немедленной передачи власти оппозиции до новых президентских выборов. Ситуацию усугублял наплыв десятков тысяч беженцев из Ливии, но об этом – особый разговор.

Успех в целом мирной революции в Тунисе вдохновил на такие же действия египтян. Поднялась на восстание самая населенная арабская страна – 85 миллионов жителей.

«Ат-Тахрир» – значит «Освобождение»

С 25 января по 11 февраля прошлого года продолжались массовые народные волнения в Египте. Численность

их участников то сокращалась до ста тысяч человек, то вырастала до миллионов. На восстание поднялись массы – от Александрии до Асьюта и от Мансуры до Синайского полуострова. Центром восстания, его средоточием, символом, знаменем стала площадь Ат-Тахрир (в переводе – Освобождение) в центре Каира. Здесь шел непрекращающийся митинг, кипели дискуссии, читались стихи и пелись песни, пять раз в день люди молились. На этой площади давали интервью, позировали перед телекамерами важнейших мировых каналов. Здесь же были разбиты палатки, в которых жили люди, поклявшиеся не покидать это место до победы, сюда подносили воду, пищу, медикаменты, одеяла. Среди митингующих ходили коптские (христианские) священники в темных одеждах и улемы-богословы из исламского университета Аль-Азхара в закрученных тюрбанах. Полиция после столкновений с демонстрантами (по всей стране погибло несколько сот человек) разбежалась. Вокруг площади стояли армейские танки и бронетранспортеры, которые не вмешивались в демонстрации. Но когда начались столкновения демонстрантов с нанятыми режимом бандами хулиганов, военные постарались разъединить дерущихся. Общим требованием был уход президента Хосни Мубарака, который правил 32 года.

После 18 дней массовых народных волнений восставшие победили. Президент Мубарак 11 января ушел в отставку. О его личности мы поговорим позднее.

Исчез с политической арены фактический преемник Мубарака – Омар Сулейман, руководитель разведки и служб безопасности страны, назначенный вице-президентом. Власть в Египте взял Высший совет вооруженных сил во главе с министром обороны Хусейном Тантави, который распустил парламент, отменил старую конституцию, объявил о проведении новых выборов, назначил комиссию для выработки новой конституции и, соответственно, нового избирательного закона. Фактически рухнула прежняя партия власти – Национально-демократическая. Было арестовано несколько министров, замешанных в особо крупных актах коррупции.

Победа народного мирного восстания не ограничилась этими видимыми результатами. Может быть, психологический результат восстания был важнее его временных политических итогов. Люди преодолели страх, постоянный страх перед силой репрессивной машины государства, перед властимущами, их охватило чувство ликования от завоеванной свободы. Восставшие считали, что после долгого периода авторитарного режима, унижений и бессилия они вновь обрели человеческое достоинство.

Перед мощью народных выступлений появился страх у властимущих, в том числе у генералитета, страх перед силой народного гнева, страх перед перспективой потерять свои позиции, если не будут удовлетворены народные требования.

А что осталось?

Все дело в том, что режим Хосни Мубарака опирался на армию и силы безопасности. Под давлением масс ушел глава военного режима, рухнул символ прежней власти, но власть осталась – может быть, временно – в руках именно военных. Антиправительственные демонстрации были прекращены или по крайней мере стали менее масштабными. Люди выходили на демонстрации, чтобы выразить радость победы. Но были и другие демонстранты, требующие повышения заработной платы, улучшения условий труда...

А что дальше? Что должно было определить политическую систему Египта, его экономическую структуру, путь развития египетского общества? Какие силы реально действовали в стране и что получится из их взаимодействия или столкновения?

Отвлечемся на несколько мгновений от сегодняшних бурлящих политических страстей Египта. Вернемся на площадь Ат-Тахрир, которая сама по себе полна символики и несет отпечаток и древней, и недавней истории Египта. Она – своего рода микрокосм Египта.

В северной стороне площади расположено здание Египетского национального музея с бесчисленными и бесценными сокровищами времен фараонов (кое-кто в ходе восстания пытался его грабить, но сокровища защитили военные и сами демонстранты). Прямо напротив него, на южной стороне, здание, в котором находится учреждение с названием, труд-

но поддающимся переводу, Аль-Мугаммаа – многоэтажное средоточие регистрационных и справочных служб Египта, жуткая бюрократическая организация, где каждый шаг сопровождается взятками.

Рядом с Аль-Мугаммаа находится штаб-квартира Лиги арабских государств, созданной при активном участии Египта. Страна претендовала и претендует на ведущую роль в арабском мире, но, к разочарованию гордых египтян, теряет ее из-за своих экономических проблем. Она даже не попала в «двадцатку» самых весомых государств в мировой экономике, а Саудовская Аравия со своей нефтью и валютными резервами туда вошла.

Рядом со зданием Лиги арабских государств ремонтируется отель «Хилтон», первый 5-звездочный отель в Египте, построенный в 50-е годы прошлого столетия на месте казарм английских войск, которые когда-то оккупировали страну. Напротив «Хилтона», по другую сторону площади, лежат кварталы, построенные в конце XIX века по парижским образцам, сейчас обветшавшие, а когда-то бывшие самой элитной частью Каира. На одном из этих зданий три десятка лет красовалась огромная реклама «Аэрофлота», сменившаяся сейчас рекламами западных корпораций. Чуть справа от него одним крылом на площадь Ат-Тахрир выходит здание Американского университета в Каире, который традиционно считается каналом идеологического и культурного проникновения США в Египет. Но если вернуться к Националь-

ному музею, то сразу за ним, за виадуком, ведущим в аэропорт, лежит район Булак. Это – средоточие старых, рассыпающихся зданий, нищеты, перенаселенности, отчаяния, злости, безнадежности. Наверное, об этом самом районе писал стихи поэт-бунтарь Ахмед Фуад Нигм: «Те одеваются по последней моде, а мы живем вдесятером в одной комнате».

Между зданием Аль-Мугаммаа и штаб-квартирой Лиги арабских государств начинается мост через Нил – на остров, и прямо перед мостом на острове возвышается статуя Саада Заглула, который возглавил египетское восстание против англичан в 1919 году. После этого Египет получил полуколониальную псевдодемократию, с игрой политических партий и с полным игнорированием интересов народа. Королевское правительство, зависимое от англичан, потеряло всякую легитимность. В стране господствовал класс землевладельцев-феодалов при нищем населении.

Такая ситуация вызвала взрыв недовольства, вылившийся в 1952 году в военный переворот – революцию, которую совершили «свободные офицеры» (всего несколько батальонов!) во главе с Гамалем Абдель Насером. С 1952 года в Египте установился военный режим. При Насере он был леворадикальным. Насер провел аграрную реформу, лишив большей части земель феодальный класс, национализировал ряд предприятий с иностранным капиталом и крупной египетской собственностью, попытался ввести рабочих в правление компаний.

В свое время Гамаль Абдель Насер взял на вооружение антизападную (антиимпериалистическую) идеологию и стал почти союзником СССР. Президент Египта нарушил западную монополию на поставки оружия на Ближний Восток, закупив советское оружие через Чехословакию, затем национализировал Суэцкий канал. В ответ на это была совершена тройственная англо-франко-израильская агрессия 1956 года, остановленная, как блефом Никиты Хрущева, который намекал на возможность ядерного удара по агрессорам, никогда не собираясь сделать это, так и осуждением со стороны США. Всемирный банк не дал кредита на строительство высотной Асуанской плотины, которая спасла бы Египет от голода, его предоставил Советский Союз, и плотина вместе с мощной электростанцией была построена, значительно увеличив посевные площади Египта. (К слову сказать, Египет даже после Насера при Анваре Садате полностью расплатился за все советские поставки – как за строительство высотной Асуанской плотины, так и за оружие).

Но Насер создал военно-репрессивный режим, не терпящий ни оппозиции, ни инакомыслия. Какое-то время в концлагерях были вместе и коммунисты, и «Братья-мусульмане» (о них – позже), их били и пытали. Затем некоторых коммунистов освободили и кооптировали в органы власти и пропаганды.

Насер проиграл войну с Израилем в 1967 году, что надломило его здоровье и позиции Египта в арабском мире.

Новый президент Анвар Садат установил правую военную диктатуру, начал возвращать собственность, конфискованную у крупных предпринимателей, переметнулся на сторону США. Он начал в союзе с Сирией войну с Израилем, которая в первые дни благодаря внезапности удара и предварительной подготовке войск советскими офицерами и поставкам советского оружия и техники была успешной. К концу военных действий Египет оказался вновь на грани поражения. Война кончилась вничью, что в тех условиях означало победу Египта и Сирии и поражение Израиля. Впоследствии при посредничестве американцев он заключил мирный договор с Израилем, фактически отказавшись от поддержки дела палестинцев, но вернув в демилитаризованном виде египетскую территорию – Синайский полуостров. Садат стал проводить так называемую «политику открытых дверей» (инфитах). Это породило в Египте класс паразитической буржуазии, представителей которой называли «жирными котами» инфитаха, тесно связанными с госаппаратом.

Садат был убит в 1981 году мусульманскими экстремистами во время военного парада. Вице-президент Хосни Мубарак во время этого нападения чудом уцелел и стал президентом Египта. Перед своей смертью Садат пытался подавить всю оппозицию, бросив в тюрьму и коммунистов, и насеристов, и представителей коптов, и часть «Братьев-мусульман». Именно из отколовшейся от «Братьев-мусульман» группировки вышли будущие убийцы Садата.

Встав во главе государства, Хосни Мубарак освободил из тюрем большинство заключенных, среди них был и коптский патриарх. Он постарался восстановить отношения с арабскими странами, порвавшими их с Египтом после того, как тот заключил мир с Израилем. Мубарак решительно проводил борьбу с терроризмом и первое время пытался даже ограничить аппетиты «жирных котов». При этом он сохранил и углубил тесные отношения с США, сотрудничество с Израилем, участвовал в первой войне Соединенных Штатов против Ирака.

Главной силой в стране после революции осталась армия, точнее, армейское офицерство и генералитет.

Танковые дивизии не вмешались

Становым хребтом военного режима в Египте всегда были привилегированное офицерство и генералитет. Они не только пользовались различными социальными благами – высокой зарплатой (на фоне массовой бедности населения), хорошими жилищными условиями, поликлиниками, клубами, спортивными сооружениями, – но со времен Садата еще имели возможность заниматься бизнесом, руководить военной промышленностью, которая частично стала работать на внутренний рынок гражданской продукции. После выхода в отставку многие офицеры и генералы занимали важные посты в администрации, в правлениях частных компаний и банков. Большинство губернаторов египетских провинций

были бывшие генералы.

В ходе народного восстания армия, которая пользовалась популярностью и уважением в стране, в том числе и среди масс населения, занимала нейтральную позицию, не участвуя в подавлении народных волнений. Она прошла по тонкому лезвию между преданностью режиму, его главе – Мубараку и сочувствием к народным волнениям. Армейское руководство понимало, что перемены и реформы в стране необходимы. Но как проводить реформы, сохраняя прежние привилегированные позиции и политическое влияние?

При этом не стоит забывать, что высшее руководство армии, все без исключения, было подобрано Хосни Мубараком из людей, преданных лично ему. При продвижении по службе личная преданность ценилась выше военного профессионализма. Армия поддерживала тесные связи с Вашингтоном, получая от США каждый год военную помощь в размере 1,3 млрд. долларов, за годы правления Мубарака была перевооружена в основном американцами; лишь часть оружия советского производства осталась в ее распоряжении. Среднее и высшее офицерство прошло обучение в США, а также в Англии и во Франции. Один из первых декретов нового военного руководства гласил, что прежние международные договоры, в том числе мирный договор между Египтом и Израилем, останутся действующими.

Реальная сила исламистов

Вторая но, очевидно, главная сила, которая стала участвовать в формировании нового политического курса и структуры страны, – это «Братья-мусульмане», наиболее сплоченная и массовая социально-политическая организация.

Она была создана еще в 1928 году, всегда опиралась на массы религиозно настроенного населения, для которого были чужды «игры эфенди», то есть прозападных правящих классов, были чужды слова «демократия», «либерализм», «свободные выборы» и т. д. Эта организация проповедовала возвращение к «истинно исламским ценностям», к следованию законам шариата. Она широко развернула сеть благотворительных учреждений – больниц, школ, приютов.

«Братья» находились в оппозиции к королевской власти. В конце 40-х годов прошлого века тогдашний премьер-министр страны пал жертвой их боевиков, а в ответ власти организовали убийство лидера «Братьев» – Хасана аль-Банни.

После короткого флирта с режимом Гамалы Абдель Насера представители «Братьев-мусульман» организовали неудачное покушение на популярного президента. Организация была запрещена, а ее активисты оказались в концлагерях вместе с коммунистами, проамериканскими либералами и другими оппозиционерами. Многие «Братья-мусульмане» были подвергнуты пыткам, некоторые казнены.

Сейид Кутб, теоретик «Братьев-мусульман», разработал в концлагере идею джихада против правителей мусульманских стран и «неверного» Запада. По его мнению, правители

мусульманских стран на самом деле были агентами Запада, а не мусульманами, поэтому против них можно было восстать. Кутб был повешен в насеровской тюрьме в 1966 году. А его идеи вдохновили крайних экстремистов вроде Айма-на аль-Завахири, который стал главным помощником Уса-мы бен Ладена в организации «Аль-Каида», а также слепо-го шейха Омара Абдель Рахмана, благословившего террори-стов на первую попытку взрыва Всемирного торгового цен-тра в Нью-Йорке в 1993 году. Идеи Кутба подхватили экс-тремисты и террористы во всем мусульманском мире.

Организация была фактически реабилитирована после прихода к власти президента Анвара Садата в 1971 году. Но, страшась ее силы, и Садат, и сменивший его президент Му-барак держали «Братьев-мусульман» на полуправильном по-ложении. Само руководство заявляло о своей несогласии с действиями экстремистов. Но в отколовшихся от них груп-пировках собрались люди, готовые на теракты. Именно пред-ставители одной из них организовали убийство президента Садата. Именно они участвовали в убийствах как предст-авителей власти, так и иностранных туристов и иностранных граждан в Египте. Нападения на туристов, подрывавшие от-расль экономики, с которой связана работа нескольких мил-лионов египтян, лишили экстремистов части социальной ба-зы. Крайних исламистов подпитывали «афганцы», участво-вавшие в войне против просоветского левого режима в Аф-ганистане и советских вооруженных сил.

Репрессии, включая аресты по закону о чрезвычайном положении, пытки в тюрьмах и казни экстремистов ослабили мусульманские террористические организации, загнали их в подполье.

Руководство «Братьев» стало делать упор на легальную деятельность.

В качестве независимых депутатов или представителей некоторых оппозиционных партий «Братья-мусульмане» стали участвовать в парламентских выборах. На предпоследних (до революции) выборах 2005 года, даже в условиях ограничений, репрессий и фальсификаций, они завоевали 88 мандатов – почти 20 процентов парламентских мест. Но в ходе последних выборов в ноябре-декабре прошлого года из-за массовой фальсификации, арестов и давления властей «Братья» лишились представительства в парламенте.

Руководство «Братьев-мусульман» не участвовало в первые дни в волнениях, но оно позволило своей организации молодежи выйти на улицы.

Поколение Интернета, «Фейсбука», «Твиттера»

Сила, которая организовала восстание, – это молодое поколение 20–30-летних достаточно образованных египтян, которые были настроены оппозиционно к режиму, выступали за демократические свободы – свободные выборы, свободные СМИ, права человека, человеческое достоинство. Это люди отнюдь не из самых бедных семей. Они связыва-

ются друг с другом по Интернету. С помощью системы социальных сетей «Фейсбук», «Твиттер», «Ю-Тьюб» они смогли поднять на восстание, организовать и сплотить сначала десятки, а потом сотни тысяч и миллионы людей. Они не были и не являются политической партией. Их политические взгляды разнообразны, порой противоречивы. Они не оформились как единая организация.

Молодые люди установили контакты друг с другом, с тунисскими компьютерщиками и выработали оказавшуюся успешной тактику народного восстания, включая технические детали.

К этим молодым людям примыкали довольно слабые оппозиционные партии, в том числе либерально-демократические «Кифая» (что означает «довольно, хватит»), «Аль-Гад» («Завтра»), «Молодежное движение 6 апреля» – группа, объединенная вокруг Мохаммеда эль-Барадеи, Нобелевского лауреата, бывшего главы МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии), у которого проявились политические амбиции.

Оставшиеся в тени из-за гражданской войны в Ливии политические страсти в Египте не утихали и в последующие месяцы. Под давлением демонстрантов ушел в отставку назначенный еще Мубараком премьер-министр генерал Ахмед Шафик (он включен в состав Высшего совета вооруженных сил), сменилось несколько министров. Главой правительства стал хозяйственник Исам Шараф. Еще и еще раз

менялся состав правительства. Многие требовали демонтажа всей структуры безопасности. Шли столкновения между противниками и сторонниками этих мер, были жертвы. В Каире были сожжены штаб-квартира тайной полиции, а еще ранее – здание ЦК бывшей правящей Национально-демократической партии. После того, как на площади Ат-Тахрир в ходе антиправительственного восстания обнялись полумесяц и крест, вражда на улице вновь разделила коптов-христиан и мусульман. Произошли кровавые стычки, были сожжены церкви.

Свидетели и участники

Вот что мне говорил выдающийся современный египетский писатель Гамаль аль-Гитани: «Примерно за неделю до 25 января я был в президентском дворце на приеме – кому-то вручали высший орден «Ожерелье Нила». Я был подавлен. Я видел царский двор, с лакеями, церемониями, лжецами, лизоблюдами. Все казалось мертвым и безнадежным. «Неужели это на долгие годы?» – спрашивал я себя. Конечно, я слышал еще 24 января, что на следующий день с помощью Интернета молодежь организует демонстрацию. Но как человек старшего поколения я просто не верил в успех Интернета. И вот – свершилось! Алексей! Свершилось! Революция объединила всех, мусульман и коптов, богатых и бедных, интеллектуалов и неграмотных. Это был общенациональный порыв. Пусть будут трудности, страдания, жертвы! Но не вер-

нется старый, мертвый режим!»

«Друг мой! Мой верный, честный, бесконечно талантливый друг. Мне так хочется тебе верить! Так хочется верить в будущее любимого мной Египта. Но я-то из страны, которая за век пережила столько революций и контрреволюций! И с какой горечью я смотрю на сегодняшний день моей родины»... Я не сказал этих слов, чтобы не причинить ему боль. Так, как он, думают многие. Мейса – вдова Мухаммеда Сид-Ахмеда, моего друга, философа и публициста, прошедшего 5 лет в насеровском концлагере, основателя одной из египетских компартий, воскликнула при встрече: «Мы – в новом Египте! Мы вернули честь и достоинство великого Египта!»

В Египет мне удалось попасть примерно через два месяца после революционного взрыва.

...Я – на площади Ат-Тахрир, в центре Каира. Пятница. Люди собираются на митинги в разных концах площади. Участников не сотни тысяч, но, во всяком случае, – десятки. Само название Ат-Тахрир стало брендом египетской революции, символом стойкости, мужества, свободы. Восемнадцать дней без перерыва здесь кипели страсти, звучали речи, споры, стихи, песни, были схватки с полицией и с нанятыми полицией хулиганами и даже с верблюжьей кавалерией. Из миллионов глоток рвалось одно слово в адрес президента Мубарака: «Уходи!!!». Полиция тогда исчезла. Вокруг площади и в переулках стояли танки. Армия не вмешивалась в события.

В критический день 11 февраля толпа намеревалась двинуться к президентскому дворцу, где стояла готовая стрелять президентская гвардия. Мне рассказывали, что якобы состоялся телефонный разговор президента Мубарака с министром обороны маршалом Тантави. Этот разговор уже стал частью революционной мифологии. «Почему ты не на моей стороне? – кричал президент. – Я же сделал тебя маршалом, я назначил тебя министром обороны!». «Да, я всем обязан тебе, мой президент. Но если выбирать между тобой и родиной, я выбираю родину. Уходи! Армия будет против твоей гвардии». Президент подал в отставку и улетел с семьей в Шарм-эль-Шейх на личную виллу. А кровавой бани удалось избежать.

Власть в стране взял Высший совет вооруженных сил во главе с Тантави. Но лишь единицы знали, что накануне этого решения начальник египетского генштаба Сами Энан несколько дней сидел в Вашингтоне, в Пентагоне, согласовывая с американцами план действий. Было решено пожертвовать Мубараком, но сохранить власть в руках военных, которые должны начать реформы.

Народ не знал закулисной истории и ликовал.

Но революции имеют свою логику. Ее составная часть – наращивание требований.

Речь шла не только об изгнании Мубарака, но и о смене режима. Правительство отправили в отставку, назначили новое, была отменена старая конституция, опубликованы

временные конституционные положения, распущен прежний парламент.

А вот теперь на площади я слышу новые требования. Оратор выкрикивает в рифму: «Вот наши требования, о *мушир* (*мушир* – по-арабски маршал), слушай голос Ат-Тахрир!» Толпа размахивает национальными флагами и хором раз за разом повторяет лозунг.

Рядом другой митинг. Выступает имам мечети Омара, перемежая свое выступление цитатами из Корана и рифмованными лозунгами:

«Спасибо революции 25 января!», «Под суд коррупционеров!», «Почему власти медлят?», «Привести сюда, на площадь, Мубарака, его сыновей и подручных, пусть их судит народ!», «Убрать прежних руководителей СМИ!», «Почему остались на своих местах губернаторы, ставленники Мубарака? Гнать их!», «Да здравствует революционная законность!», «Не может быть диалога с убийцами, на руках которых кровь наших мучеников!», «Нам принадлежит законность!», «Никакие дела нельзя делать без учета наших требований, требований народа!», «Это – не футбольные соревнования и не разногласия между поклонниками того или иного клуба, чтобы говорить о примирении. Затронута честь народа, кровь мучеников».

Толпа бурно реагирует на каждое слово, на каждый выкрик, отвечая одобрительным гулом, повторяя рифмованные призывы.

«Любой, кто хочет покончить с революцией с помощью контрреволюции и вызвать конфессиональную вражду, раскол между мусульманами, христианами – преступник. Под суд его, как и коррупционеров! Мы, мусульмане, христиане, действуем вместе. Храмы и монастыри христиан – под нашей защитой».

«Вот список наших требований:

Создать президентский совет, который будет править Египтом до выборов.

Суд над всеми коррупционерами во главе с Хосни Мубарак.

Распустить Национально-демократическую партию и национализировать ее имущество. Мы отвергаем саму мысль, что у НДП есть право участвовать в национальном диалоге, потому что это не национальная партия, это партия предателей.

Приостановить деятельность всех прежних руководителей и их представителей во всех структурах, имеющих влияние. Посадить их под домашний арест, чтобы не допустить преступных заговоров.

Никакой закон не должен запрещать забастовки.

Отменить все законы о чрезвычайном положении.

Почему военный совет распустил парламент, а не распустил местные советы?

Необходимо продолжать нашу революцию, пока она не достигнет полного успеха. Никакие цели не достигнуты, по-

ка не будет покончено с коррупцией и коррупционерами».

Метрах в ста идет молодежный митинг, требования почти те же:

«Судить коррупционеров, начиная с Хосни Мубарака и до самого маленького ответственного чиновника.

Снять всех губернаторов и распустить местные советы.

Организовать гражданский президентский совет, который будет править Египтом до выборов.

Вернуть все награбленные деньги из-за границы в Египет.

Отправить в отставку руководителей университетов, которые были назначены прежним режимом.

Никакого примирения и диалога с теми, кто пролил кровь мучеников, никакого диалога с коррупционерами.

Не допустить участия Национально-демократической партии в национальном диалоге, запретить НДП.

Отправить в отставку руководителей СМИ, которые работали на прежний режим.

Освободить всех политических заключенных, которых посадили до революции. Прекратить пытки заключенных в тюрьмах».

Повсюду рифмованные крики: «Народ требует судить президента», «Наша революция – не игра в кошки-мышки», «Поднимите свой голос в защиту революции», «Кто борется, тот не умрет», «Почему у власти представители прежнего режима? Долой!». «Нельзя построить дом, если какие-то этажи уже разрушены, нужно разрушить весь дом до осно-

вания. Это надо сделать побыстрее».

Речи распалаяют собравшихся. Ораторы стирают с лица крупные капли пота и говорят, говорят, говорят, выкрикивая лозунги. Толпы их подхватывают. Расхаживают продавцы бубликов и воды. Танцуют под барабаны. Дети вместе с родителями несут плакаты и размахивают национальными флагами. Продають сувениры с эмблемами «Революция 25 января». Фотографируются на фоне плакатов и посылают изображения по мобильным телефонам друзьям и знакомым. Делают видеосъемки. Под единственным деревом в центре площади расположилась семья: старик, муж и жена и четверо детей, пьют чай.

Подчеркиваю: это – день сравнительно небольшого скопления народа. В следующую пятницу, когда меня уже не было в Каире, на площадь собрались вдeсятеро больше людей.

Улица не просто кричала и митинговала. Она добивалась своего. Военный совет отступал шаг за шагом. Была распущена НДП и конфискованы ее фонды и ее имущество. Мубарака, его жену и сыновей арестовали и отдали под суд. Еще несколько десятков высших коррупционеров оказались за решеткой. Толпа требовала крови. Пока своих робеспьеров, троцких или свердловых не появилось. Но кто знает... Были смещены все руководители государственных СМИ. Свободная печать воздействовала на политику и кадровые назначения. Мой друг, писатель Гамаль аль-Гитани, поместил колонку в газете «Аль-Ахбар» с критикой только что назна-

ченного министра культуры, назвав его менеджером, а не деятелем культуры. Министра сняли. Сын Гамалы Абдель Насера дал интервью в одной из газет. Он осудил режим Мубарака со словами: «Революция 25 января – продолжение революции 23 июля (1952 года)».

Но, как и в любой революции, все было хаотично и противоречиво. Бастовали студенты, требуя повысить отметки, полученные ими на экзаменах. Бастовали ученики старших классов школ, требуя облегчить учебные программы. Произошел общеегипетский скандал: во время футбольного матча египтян с тунисцами выигрывали тунисцы. И тогда огромная толпа египетских болельщиков выбежала на поле и стала избивать тунисских игроков. Полиция не вмешалась. К чести египтян, надо сказать, что по этому поводу заседал даже Высший совет вооруженных сил, который направил извинения Тунису. К тунисскому посольству приходили десятки молодых людей, чтобы выразить свое сочувствие и извинения. В социальных сетях молодые активисты распространяли призывы к соотечественникам соблюдать правила дорожного движения и не свинячить на улицах (Вспомним: «Граждане! Будьте культурны! Не плюйте на пол, а плюйте в урны!»)

Поступали сообщения о том, что салафиты (крайние исламисты) разрушали надгробья и склепы над могилами святых, почитаемых суфиями, мусульманскими мистиками. Шли столкновения на кладбищах. Из Афганистана, Паки-

стана, Ирана, из стран Западной Европы возвращаются сотни членов «Аль-Джихад аль-Ислами» и других террористических мусульманских организаций. Они, мол, были борцами с прежним деспотичным режимом Мубарака. Из тюрьмы освободили соучастников убийства президента Садата в 1981 г. (основные участники этой акции были тогда казнены). Появилось заявление «Братьев-мусульман»: «Мы осуждаем салафитов и террористов».

Все тревожнее были сообщения о ситуации в экономике. Люди ожидали немедленного улучшения своего положения, а оно ухудшалось. Доходы от туризма резко упали. Удар пришелся по служащим гостиниц, гидам, торговцам, шоферам такси. Золотовалютные резервы страны сократились на несколько миллиардов долларов. Из страны «убежали» многие миллиарды долларов частных вложений. Один из бизнесменов жаловался мне на встрече в клубе «Сувейрис», где собирается журналистская и писательская элита: «Мы собирались строить новый металлургический завод. И вдруг нам говорят: «Вы получили лицензию с помощью Ахмеда Изза (металлургический олигарх, друг сына Мубарака Гамалья). Ваши лицензии недействительны. Или дайте 100 миллионов фунтов (!) «на лапу» или уходите». Мы вынуждены закрыть бизнес. На работу молодые люди ходят со своими компьютерами и переписываются по «Фейсбуку». Попробуй запретить. Нам отвечают: «У нас теперь демократия, мы скоро будем выбирать и руководство фирм».

Я запомнил воодушевленную, возбужденную журналистку из влиятельного журнала. Она кипела горячим энтузиазмом и верой в будущее. «Сейчас, – говорила она, – журналисты получают 500–600 фунтов в месяц, а нужно установить минимум 1200 фунтов. Откуда взять деньги? Да ведь очень просто. Нам же вернут те десятки миллиардов, которые Мубарак и прочие коррупционеры перевели за границу, вот и хватит на всех денег». Я с ней не стал спорить, но представил себе наивность и надежды простых египтян, если журналистка из солидного издания верит в сказку о завтрашнем дне.

Наслушался упреков в адрес России, от всех – правых, левых, бизнесменов и шоферов такси, университетских профессоров и разнорабочих: «Где вы, русские? Почему вас не видно и не слышно? Почему вы хотя бы не примите на лечение раненых в ходе нашей революции, как это сделали немцы? Почему вы не установите с нами контакты на уровне неправительственных организаций? Вы опаздываете. Кто последний пришел, тот на последнем месте по своему авторитету и окажется». Я пытался оправдываться:

«Мы отменили запрет на поездку туристов в Египет, а это очень существенная экономическая составляющая».

А что еще было добавить? Хорошо, что в Египте побывал наш министр иностранных С.В. Лавров. А где наши профсоюзы, правозащитники, организации дружбы и солидарности, организации женщин, молодежи, спортсмены, писатели,

научные делегации?

Знаю ответ: нет денег. На контакты и поездки в США или Францию, Германию или даже Китай деньги есть. На арабов – нет. В советские времена деньги были. (Повторю: Египет расплатился с Россией за ВСЕ (!) свои долги – и за высотную Асуанскую плотину, и за оружие, и за заводы.)

А контакты человека с человеком? Миллионов с миллионами? Пусть эти контакты подождут... Подождем своего Билла Гейтса, который сам заработал десятки миллиардов (долларов, не рублей) и половину отдал на благотворительность. Но у наших олигархов другие заботы.

Вот так мы и живем. Арабские революции и будущее арабских стран – само по себе, а мы с нашими проблемами, претензиями – сами по себе.

Никто как будто не виноват. У нас, действительно, свои большие заботы. Понятно, почему от нас уходят и забывают о нас друзья. А деньги? Ну что ж, можно с уверенностью сказать, что если в арабских странах установятся режимы, устраивающие Запад, деньги у Запада найдутся. Да и куда деваться без экономических связей? Ведь Россия не выпьет арабскую нефть, не выкупит арабский газ, а послереволюционные правительства могут найти общий язык с Западом. Но без нас. Нам достанутся в лучшем случае крохи.

Говорят участники событий

Беседую с теми, кто через Интернет, «Фейсбук», «Твит-

тер», «Ю-Тьюб» стал организатором египетской революции. Не важны их имена, они их не скрывают, пожалуйста, цитируйте, но их не знает наша публика. Брендом этой группы стал их приятель У. Гонем. Он был занят в день встречи. У молодых людей нет ни чувства ревности, ни зависти. Раскованные, образованные ребята. Совершенно искренние. Патриоты. Революционеры. Один из них на площади Ат-Тахрир потерял глаз... Умные и... пусть простят они меня... наивные, увлеченные западными лозунгами и ценностями.

Постарался расположить их к себе. Раскрыл свою книгу «Египет и египтяне» и прочитал посвящение и заключение. Им понравилось. Сказал, что приехал учиться, а не учить, изучать обстановку, и потекла откровенная беседа с жаркими спорами.

– *Когда вы решили, что настал час «X» для революции?*

– Мы не планировали революции. Мы не собирались устраивать революцию, хотя знали об успехе наших тунисских братьев. Мы призвали людей на демонстрацию против ненавистной полиции. Хотели испортить праздник полиции 25 января. Рассчитывали, что на демонстрации выйдут тысяч 40, а вышло больше 200 тысяч. Были жертвы. А дальше стало ясно: народ не хочет Мубарака. 28 января после пятничной молитвы на улицу вышел миллион протестующих и еще несколько миллионов по всей стране. Ненависть вырвалась наружу. А дальше – дело известное. Полиция после нескольких попыток расправиться с демонстрантами разбе-

жалась, а армия была вместе с народом.

– *Каковы ваши задачи?*

– Демократия. Возвращение человеческого достоинства. Возвращение величия Египта. Свобода. Свободные выборы.

– *А почему вы выступили против поправок к конституции, затем против временной конституции, предложенной военными?*

– Нужно было время для обсуждения проекта конституции. Мы не хотели, чтобы в ней сохранилась статья «Ислам – государственная религия, а шариат – основной источник законодательства». Мы были против введения формальной квоты в парламенте – 50 % для рабочих и крестьян, – сохраненной со времен Гамалы Абдель Насера.

– *Вы сами надеетесь на успех на выборах?*

– Вряд ли мы получим много голосов. Но у нас формируется два блока «Союз 6 апреля» – он существует уже пару лет – и «Блок революционной молодежи». Стоит задача дискредитировать прежнюю партию власти – Национально-демократическую, конфисковать ее имущество, показать народу, насколько коррумпированы ее члены. О текущей задаче: отправить под суд всех коррумпированных высших чиновников прежнего режима.

– *А как вы относитесь к Ливии?*

– Мы – союзники ливийских революционеров, мы – против диктатора Каддафи.

– *Вы согласны с натовскими бомбардировками страны?*

Некоторые колебания моих собеседников, а затем решительно:

– Если для успеха революции нужен союз с НАТО, пусть будут бомбежки НАТО.

– А если вы столкнетесь с сопротивлением здесь, в Египте, вы пригласите бомбить Египет натовские самолеты?

Я намеренно задал провокационный вопрос. Мои собеседники горячо заспорили между собой, до крика, потом пришли к консенсусу:

– Египет – великая страна, она сама справится со своими проблемами. Бомбить Египет не посмеют. У нас самая сильная армия и самое сильное ПВО на Ближнем Востоке. (Про Израиль мои собеседники, конечно, забыли, а о качестве египетской ПВО в сопоставлении с современными требованиями они, видимо, не знали.)

– Знаете ли вы, что все революции всегда приводили к экономическому упадку? Люди надеялись на немедленное улучшение ситуации, на немедленное улучшение своего личного положения. Но этого не будет.

Один из них сказал:

– Но ведь коррупционеры перевели за границу десятки миллиардов долларов. Мы их вернем.

– Простите, – возразил я, – из Африки за 50 лет независимости был незаконно вывезен почти один триллион долларов. Вы знаете, сколько удалось вернуть за многие годы усилий? Один миллиард – одну тысячную часть награблен-

ного.

Ребята погрустнели. Но потом один из них сказал:

– Но мы же нужны демократическому Западу. Запад нам поможет.

– *Вы не ожидаете контрреволюции?*

– Да, такая опасность есть. Но есть и опасность новой революции, «революции голодных», если экономика не наладится.

Точно такие же слова о возможной «революции голодных» я услышал от одного из руководителей «Братьев-мусульман» Саада Хусейни.

Офис «братьев» в одном из отдаленных районов Каира. Скромное, непритязательное жилище. Охраны почти нет или она невидима. Снуют посетители. Руководители в отутюженных европейских костюмах, с галстуками, бороды аккуратно подстрижены. Речь спокойная и взвешенная. Мы говорили по-арабски, но тут же сидел готовый помочь дипломант Менделеевского института, кандидат химических наук, женатый на русской. Мой собеседник – бывший член парламента созыва 2006–2010 гг. – был официальным представителем фракции «Братьев-мусульман» в том парламенте. В следующий парламент подручные Мубарака не пропустили «братьев», грубо сфальсифицировав выборы.

Беседа была дружеской и откровенной. «Братья» по глупейшему решению нашего суда 90-х годов числятся «преступной террористической организацией». Поэтому у нас с

ними – никаких официальных контактов. Президент России Д.А. Медведев только что освободил меня от должности его представителя по связям с лидерами африканских государств. Поэтому я как свободный ученый мог встречаться с кем угодно.

Я полагал, что в какой-то мере был готов к встрече и дискуссии. Я сам писал, что есть ислам и ислам. Ислам разнообразен, многолик и противоречив. Его знаменем могут прикрываться общественно-политические течения самого разного свойства. Есть полуофициальный ислам аль-Азхара – влиятельнейшего богословского университета в Египте; народный ислам мистиков-суфиев; ислам экстремистов-террористов. И ислам самой массовой общественно-политической организации «Братьев-мусульман». Они отвергали идеалы «западников»-либералов и революционеров-националистов, искали ответы на вызовы современности в Коране и сунне (жизне пророка Мухаммеда). Борьба за сохранение ислама – вот главная задача мусульман, считали они. Поэтому нужно сопротивляться империализму, Западу, который хочет разграбить ресурсы мусульманского мира и разрушить ислам.

Когда-то «братья» отвергали политические партии как неприемлемую форму социально-политической жизни мусульманского Египта. Но потом прагматично использовали выборы в парламенте или как независимые, или в союзе с другими партиями. Но, по их мнению, политические партии и демократия в Египте провалились. Парламент формирова-

ли из угнетателей народа. Управлять справедливо государством можно лишь на основе шариата, имеющего божественное происхождение, а не на основе законов, созданных человеком. Но демократия может функционировать в рамках исламского законодательства, поэтому обвинять «братьев» в недемократичности – «большая ложь». Ряд экономических мер должен обеспечить благосостояние народа и независимость от иностранного экономического господства. Нужно освободиться от империализма в его различных обличьях. Когда-то врагами «братьев» были и коммунисты с их атеистической идеологией, но сейчас о коммунистах просто забыли.

Это краткое резюме отнюдь не охватывает широчайшего спектра взглядов «братьев-мусульман» на все стороны социальной, семейной, политической и экономической жизни. Но как полезно услышать мнение прагматика-«брата», одного из лидеров организации!

– Наконец-то вы пришли к нам, в нашу штаб-квартиру. Мы, «братья», всегда хотели встречаться с русскими и вести открытый диалог, – говорил Саад Хусейни. – Это в интересах России, Египта и всего человечества. Мы помним, как вы помогали Египту и Палестине, мы помним, как вы помогали создавать наши вооруженные силы, строить высотную Асуанскую плотину, возводить заводы, готовить кадры. Мы этого не забудем.

После распада СССР в мире образовалась пустота. Рань-

ше был баланс сил в интересах человечества, а значит – и в интересах арабских стран. Сейчас баланс нарушен. Россия – великая держава, и она должна играть большую роль в мире, в том числе в нашем регионе.

– А какова ваша позиция в отношении конкретных событий?

– Напомню, что когда Грузия вела войну в Осетии, а министром обороны Грузии тогда был гражданин Израиля, мы поддерживали Российскую Федерацию, мы поддерживали Россию в войне против Грузии.

Мы приветствуем диалог с русскими в любом формате, или на официальном уровне, или в рамках НПО в интересах двух стран. Но препятствия – с вашей стороны. Мы очень сожалеем, что в России все еще числимся в «черном списке» террористов и преступников. Этого нет нигде в мире, только у вас. Наша организация имеет миллионы членов. Имена, телефоны, наши офисы известны. Мы – террористы? С нашими братьями из ХАМАСа в секторе Газа вы официально встречаетесь, а мы – преступники? Если определять наши позиции, то мы – центристы, мы за то, чтобы принимать «других».

Наши постулаты следующие: упадок нравов в мусульманском мире предполагает неприятие и осуждение «других», вызывает волну экстремизма и терроризма. Мы понимаем, почему рождается насилие. Но мы против насилия, против терроризма, хотя мы за право сопротивляться агрессии и ок-

купации. Мы осудили теракты 11 сентября в США. Именно мы сдерживаем терроризм в мусульманском мире, поэтому некоторые террористы называют нас «неверными».

Сейчас организации «братьев» существуют в 90 странах в разной форме, иногда участвуют в правительствах. У нас очень много молодежи. Наша задача признавать «других» и выступать за демократизацию, отвергая насилие. Мы – школа будущего.

Резюмирую свои слова: мы хотим больше связи с Россией, мы ждем снятия с нас обвинений в терроризме. Вы уже опаздываете, а кто опаздывает, тот теряет позиции. (К концу беседы мой собеседник поглядывал на часы. В приемной уже сидел новый гость – советник-посланник посольства Германии.)

– *Играли ли «братья» роль в революции?*

– Наша молодежь участвовала в переписке по «Фейсбуку», и мы разрешили молодым «братьям» участвовать в демонстрациях 25 января, причем не только в Каире, но и по всей стране, особенно в индустриальном центре Махалле-эль-Кубре.

А 28 января мы решили, что все «братья» должны участвовать в революции как часть народа, но не выдвигать особые требования. «Свобода! Справедливость! Демократия!», «Мубарака – в отставку!» – это были лозунги всех и в том числе наши лозунги. Вместе с тем, мы выступали против насилия, даже против насилия в отношении полиции. Если бы

не наше участие, не обошлось бы без еще больших жертв. Среди демонстрантов были агенты полиции, именно они пытались провоцировать столкновения. Мы считаем, что наша позиция предопределила успех революции, ведь она прошла по всей стране, а не только на площади Ат-Тахрир. Это была революция всей страны, поэтому мы отвергли поддержку, выраженную нам Хасаном Насраллой (лидер ливанской партии «Хезболла». – А.В.) и Ахмади-нежадом (президент Ирана. – А.В.), которые утверждали, будто в Египте произошла исламская революция. Мы сказали им «нет». Это – революция всех египтян.

– Каковы ваши планы на ближайшее время и среднесрочные перспективы?

– Мы должны свалить Национально-демократическую партию. Она погрязла в коррупции, связана с аппаратом, с репрессиями. Партия должна быть распущена, ее собственность конфискована. Мы предполагаем, что они могут изменить название, но мы составим черный список коррупционеров из НДП, чтобы помешать их успеху на выборах под другим названием. Но на местах у них есть крепкие позиции, поэтому многие могут пройти в парламент.

– Каковы ваши планы по созданию собственной партии?

– Некоторое время назад была создана партия «Васат» из числа молодых «братьев». Теперь мы создаем массовую Партию свободы и справедливости, чтобы ее зарегистрировать. Может быть, мы создадим свой телевизионный канал и га-

зету. Мы не против закона, запрещающего образование партий по религиозному принципу. У нас будет светская партия. Мы не против участия в ней даже христиан-коптов. Мы не стремимся к созданию теократического религиозного государства. Мы – за гражданское государство, за гражданское правительство. Наша тактика следующая: во-первых, мы не будем выставлять свою кандидатуру на пост президента, но, естественно, будем поддерживать того, программа которого будет близка нашей; во-вторых, мы не будем участвовать в переходном правительстве, хотя участие в будущем правительстве не исключено; в-третьих, мы не стремимся завоевать большинство в парламенте, чтобы никого не пугать. Ведь Мубарак нами пугал Запад, чтобы обеспечить себе западную поддержку. Мы хотим усилить активность политической жизни Египта, не претендуя на монополию власти. 20–30 % мест в парламенте для нас достаточно.

– *Как вы оцениваете экономическую ситуацию в стране?*

– Мы знаем, что Египет ждут очень трудные времена, поэтому, в частности, мы не хотим принимать на свои плечи всю ответственность. Экономическое положение ухудшается. Возможна так называемая «революция голодных». Нужно этому помешать путем активной борьбы с коррупцией. У многих есть наивные надежды – вернуть деньги, украденные коррупционерами, переведенные в западные банки, а потом раздать эти деньги. Все это нереально. Нужно создавать условия для гармоничного экономического развития.

Мы надеемся, что выборы будут честными, и в парламенте мы сможем отстаивать свои принципы.

– Если обратиться к международным делам, каковы ваши внешнеполитические установки?

– Мы считаем Иран мусульманским государством. У нас общие интересы. Правда, мы против их методов экспансии. Мы против некоторых положений шиизма. Но мы хотим строить мосты сотрудничества с Ираном, мы готовы к этому сотрудничеству. Отношения с Саудовской Аравией мы считаем очень важными. Египет и Саудовская Аравия – это два столпа арабского мира. Есть сотни причин для сотрудничества с мощной саудовской экономикой. «Братья-мусульмане» во времена Насера бежали в Саудовскую Аравию и работали там, преподавали. Мы любим эту страну, там находятся две главные святыни ислама.

– Вы можете изложить вашу позицию по вопросу о возможном производстве ядерной бомбы в Иране?

– Об этом много говорят, но сейчас почему-то не говорят о том, что у Израиля больше 200 ядерных боеголовок. Если они откажутся от них, то и мы также откажемся. Но мы против израильской монополии в регионе на ядерное оружие. Мы хотим развивать мирный атом. А обвиняют в чем-то Иран. Израиль уже наносил удары в Ираке и Сирии по атомным объектам. Говорят о возможности таких же действий в отношении Ирана.

– Как вы относитесь к будущим отношениям с Израилем?

лем?

Мой собеседник попеременно употребляет термины – то «сионистское образование», то «Израиль».

– Мы уважаем мирные договоры, заключенные Египтом. Но с «сионистским образованием» – дело особое. Есть три варианта. Первый – полностью отменить мирный договор. Второй вариант – оставить его в неизменном виде. Третий вариант, за который мы выступаем, – предложить народу обсудить содержание договора после выборов. Пусть говорят все. После этого провести референдум или голосование в парламенте. Мы будем выполнять волю большинства народа. Если народ решит изменить договор, будем вести переговоры.

Мы оба понимали, что мой собеседник озвучивал тезисы, предназначенные для передачи российскому руководству. Возможно, что в других обстоятельствах некоторые акценты были бы расставлены по-другому.

...Прошло полгода, и мы снова встретились. Я прилетел тогда из Саудовской Аравии сразу после трагических событий у здания телевидения. В Эр-Рияде все казалось спокойным, а Каир кипел. Копты протестовали против разрушения церкви в районе Асуана. Произошли столкновения с военными. Было убито два с половиной десятка демонстрантов и примерно десять военнослужащих. Египет содрогнулся. Из груди большинства вырвался крик на экраны телевизоров, на страницы газет: «Не допустим раскола страны! Не допу-

стим межконфессиональной розни!» В одной из газет рисунок: плачущая мать-родина, а у ее колен умирают в крови два ее сына – мусульманин и христианин.

Никто толком не объяснил, что произошло, кому это выгодно. На своей пресс-конференции представитель Высшего совета вооруженных сил валил все на какую-то «третью силу», на необозначенных «provokatorov». Копты обвиняли военных. Мой собеседник Саад Хусейни неопределенно говорил о «происках Израиля». Я предположил, что у всех просто сдали нервы: военные были не готовы исполнять функции полицейских, а копты не могли сдержать гнева.

Мы встретились с Саадом Хусейни в городе-спутнике 6 Октября, в полдвенадцатого ночи. Мой собеседник выглядел усталым, занятый почти круглые сутки на митингах и собраниях, еще более уверенным, чем на прошлой встрече.

– Мы создали объединение «Демократический альянс» во главе с нашей Партией свободы и справедливости. В него входит почти сорок других партий и организаций. Победа на выборах обеспечена.

– А уступят ли военные власть?

– Дело военных защищать родину и не вмешиваться в политику. Они должны вернуться в казармы. Мы не допустим, чтобы военные отменили или отложили выборы в парламент.

Мой собеседник спросил меня, когда же в России отменят решение суда, объявлявшее «братьев» «террористами и преступниками». Не мог же я сказать, что высшему руководству

России, занятому своими выборами, было не до Египта. Но все-таки пытался оправдаться:

– Мы же установили официальные контакты с вашим политическим крылом – Партией свободы и справедливости. Интервью с ее лидерами корреспондента нашего журнала «Азия и Африка сегодня» будет опубликовано в ближайшем номере.

Сомневаюсь, чтобы Саад Хусейни был удовлетворен моим ответом.

Другая встреча с аналитиком и журналистом из другого лагеря Имадом Гаадом произошла в Центре стратегических исследований газеты «Аль-Ахрам». Со времен Мухаммеда Хасанейна Хейкаля – друга президента Насера – «Аль-Ахрам» была крепостью египетских интеллектуалов, имеющих западное образование. Сам Гаад, копт, демократ, либерал, был как бы неофициальным представителем «Блока Египет», который объединил либералов, светские партии, левых. К ним примыкали представители туристского бизнеса, опасавшиеся за свое будущее, умеренные исламисты. Мистика ислама – суфии, противники салафитов, а также значительная часть «Интернет-молодежи».

Наш собеседник был настроен решительно против «братьев», надеялся на успех «Блока Египет» на выборах. Но на прощанье он с горечью сказал:

– Нужно еще лет пятьдесят, чтобы в Египте установилась настоящая демократия.

«Да, прав он, – подумал я. – Но решать это самим египтянам. Они должны попробовать власть исламистов».

И была еще одна встреча – с лидером левой партии Ат-Тагаммуа Рифатом Саидом. Бывший коммунист, прошедший в насеровских тюрьмах и концлагерях, где его били и пытали, полтора десятка лет, когда-то рассчитывающий на поворот Египта влево в сотрудничестве с СССР, он остался блестящим аналитиком, но мрачноватым скептиком:

– Сейчас резко растет влияние салафитов, особенно среди неграмотного населения. Их щедро субсидируют Саудовская Аравия и другие монархии Залива. Идеологически они – родные братья. Чтобы не потерять электорат в их пользу, «братья-мусульмане» вынуждены дрейфовать вправо. Ожидать успеха просвещенных интеллектуалов за пределами Каира и Александрии просто невозможно. Да и здесь они в меньшинстве. В Египте нет или почти нет демократических и светских традиций. Египет – не Турция. У нас даже армия пронизана происламистскими настроениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.